

17.12.2008 ~~Перес не состоится~~ ~~дво~~ года
Самуилов - 5

Сейчас мне позвонил поварей геновск
распросил о своем деде. Он ^{17-18 лет} ^{я сообразалась} ^{собирались} за него замуж. Тогда он играл в "З
Кошечерей и приезжал в Петербург. Он 16
старше меня, хитр в филоме - поэти мальчик.
до такого, в конце концов? Тридцать три год

Мы долго говорили с его теткой, тете Але
Узнала, что расстреляли не ^{улица А. К.} ^{а брати Дмит} ^{председатели} ^{Горького А.}
дворянина деда. Много говорили и про ^{мать А.} ^{бабушку} ^{моего соседа} ^{который} ^я ^{просто} ^{огариваю}. Беда три назад
видела ее в картине "Свинопас" с Любимовым, и
она мне очень понравилась. Тогда (1975) ^{он} ^{уже} ^{разошелся}, ^{кажд} ^{еще} ^{не} ^{пришел} ^к ^{зам}
браке, а уже тем более - актером. Мать нашего А.,

с Алешей = децкой мы очень много
запросто проходили с Петрачем по Невскому
району, а на Троицком мосту он зигал мне с
Пушкина, Гумилева, Пастернака. Мама сестры
моя, у него было стихов после 1928 года и ^{мн}
хусленные переписки. Мы были на "ВБ"; на
он очень ^{про меня} ^{много} ^{придумал}.

Иногда мой он видел тогда, когда приеха
либер на Невский рад, а я убежала из дому. И как
или меня ("Ты что, ах, даешь, что он там только н
себе тинг?") и, главное, мне было страшно так
быть замуж. Он побегал к Москвитин, куда я уж
и не хотела - к мам, и мы оба селись жить ли
все ког. Я оправдывалась тем, что я - то у него
экзамен по латышскому пришел сама же пришла и
поэтому, потакив за собой двух медведей

Наталья Трауберг
Голос черепахи (сборник)

«Библейско-богословский институт
святого апостола Андрея»

2009

Трауберг Н. Л.

Голос черепахи (сборник) / Н. Л. Трауберг — «Библейско-богословский институт святого апостола Андрея», 2009

В сборник вошли статьи, эссе и переводы, сделанные Н. Л. Трауберг специально для журнала «Страницы: богословие, культура, образование», издаваемого Библейско-богословским институтом св. апостола Андрея. Наталья Леонидовна стояла у истоков этого журнала и у основания института, читала в нем лекции, работала над изданием книг. Всю свою жизнь она отдала переводу, хотя называла свою профессию «переписчик», потому что считала, что переводить книги нужно с учетом российской ментальности и особенностей русского языка, при этом она умела сохранить и красоту оригинала. В искусстве перевода ей не было равных. Но и ее оригинальные произведения не менее интересны, чем переводы. Они небольшие, но емкие, метафоричные, иногда парадоксальные, заставляющие читателя по-новому взглянуть на привычные вещи и узреть подлинный смысл явлений. Некоторые из вошедших в сборник произведений нигде кроме «Страниц» не публиковались.

© Трауберг Н. Л., 2009

© Библейско-богословский институт
святого апостола Андрея, 2009

Содержание

Глава I	9
Профессия – переписчик[1]	9
Королевский злодей[2]	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Наталья Трауберг
Голос черепахи
Сборник

Издательство ББИ благодарит Викторию Ивлеву за любезно предоставленное фото

*Цветы показались на земле,
время пения настало,
и голос горлицы слышен в стране нашей.*

Песнь песней 2, 12

В этот сборник, которым Библейско-богословский институт св. апостола Андрея отдает дань памяти Наталье Леонидовне Трауберг, дорогому для нас человеку, вошли статьи, эссе и переводы, сделанные ею специально для нашего журнала «Страницы: богословие, культура, образование». Наталья Леонидовна стояла у истоков этого журнала, ласково называла его «Странички», входила в его редколлегию и редколлегию альманаха «Мира Библии», писала и переводила, предлагала авторов, горячо принимала участие в обсуждениях номеров, как переводчик и редактор работала над изданием многих книг ББИ. Наталья Леонидовна стояла и у истоков института, можно сказать, она была нашей крестной, именно она подсказала имя апостола Андрея как святого покровителя ББИ. Да и вообще, многое в институте не могло свершиться без нее, Наталья Леонидовна была и, надеемся, остается ангелом хранителем нашего института.

Многие годы она читала в ББИ курсы «Английская христианская литература» и «Основы литературного перевода и редактирования», ее лекции всегда были праздником, подлинным «пиршеством духа», открытием новых миров и откровением о нас самих. И о чем бы она ни говорила – о Честертоне или короле Артуре, Шекспире или Юлиании Норичской, Вудхаусе или св. Патрике – она умела показать и их, и нас в свете Евангелия. Одним парадоксальным словом она могла разрешить труднейший конфликт, одной афористичной фразой опрокинуть прочно устоявшееся заблуждение, в записке, написанной микроскопическим почерком (она писала их во время конференций, докладов, слушая собеседника), выразить всю мудрость мира. Вообще в ней был какой-то секрет, тайна бесконечного обаяния, выражавшаяся одновременно в глубинной мудрости и детской простоте. Часто, как бы невзначай, с королевской щедростью и простодушным смирением она изрекла свои парадоксальные мудрые сентенции, приговаривая: «да это и коту понятно». Это было одно из любимых ее выражений. Но мы, видимо, были не столь понятливы как кот, а потому готовы были слушать вновь и вновь ее лекции и беседы, без конца перечитывать ее переводы и эссе. Кстати, кошек она считала райскими животными, и они, действительно, оказывались мудрее иных людей. Не случайно, председателем Честертонского общества, как известно, был избран ее кот Кеша.

Наталья Леонидовна Трауберг посвятила себя особому виду служения – переводу, хотя сама называла свою профессию «переписчик», считая, что тексты, написанные на английском, испанском или каком-то другом языке, возможно переводить только с учетом специфики русского языка, российской ментальности и особенностей нашего читателя, при этом она как никто умела сохранить и передать всю красоту оригинала. В искусстве перевода ей не было равных. Недаром англичане шутят, что Честертон в переводах Трауберг гораздо интереснее, чем в подлиннике.

Перевод она выбрала именно потому, что видела в нем ремесло, смиренное ремесло, в котором мало места для самовыражения, переводчик как бы скрывается за автором. Он – лишь эхо автора, только его голос. Но именно Наталья Леонидовна Трауберг доказала, что ремесло может быть высочайшим искусством, что голос – это чуткий музыкальный инструмент, который может быть послушен Духу. Она переводила многих английских, испанских, американских, португальских и прочих авторов, но, конечно, сердце ее было отдано англичанам, а среди англичан – Честертону и Вудхаусу, которых она считала истинно райскими писателями.

«Голос черепахи» – это еще одно из любимых выражений Натальи Леонидовны. С ее легкой руки оно стало символом нелепого перевода, когда переводчик, не слишком чуткий к слову, но полный амбиций, промахивается и попадает мимо цели. Так некто, не распознав в тексте цитату из Песни песней, распространенное в библейской поэтике выражение «голос горлицы» перевел как «голос черепахи». Эта двойная нелепость (черепахи вообще не имеют голоса и уж точно не поют!) стала излюбленной метафорой во всех наших разговорах о переводе.

Голос самой Натальи Леонидовны был сродни голосу горлицы – он возвещал время пения, время рая; она говорила тихо, скороговоркой, почти лепетала или, скорее, журчала, но это журчание обладали мощной силой духовного воздействия. К ее слову прислушивались многие. Она была камертоном, не дающим сфальшивить. При этом никогда не стремилась стать учителем и всячески избегала пафоса, не любила выделяться, не выносила яркости, броскости, вычурности. Казалось, из всей палитры Наталья Леонидовна выбирала серый цвет, но, как она писала, это было «любимое Честертоном “сияние серого цвета”, в котором лучше всего видны камни Нового Иерусалима».

Ирина Языкова

Глава I

Профессия – переписчик

Профессия – переписчик¹

Наверное, многие подумают: «Это называется риайтер» – и ошибутся. Так называется не «это», а что-то значительно более логичное. Какой-то человек, разбирающийся в своем непосредственном деле, коряво говорит или пишет. Другой придает его речи внятность, а то и блеск. В пределе – Моисей и Аарон.

Переписчик – совсем другое, странное, новое занятие. Берешь текст, полный ошибок, особенно – связанных с реалиями; синтаксически – рыхлый, если не хуже; лексически – насыщенный иностранными словами, а то и чем-то вроде фени. Смотришь на оригинал, сначала надеешься править, потом, махнув рукой, переводишь... С той помехой, что права на ошибку уже нет, себя править негде, надо вписывать между строк или на полях.

Если оставить, как было, так и напечатают. Некоторых писателей уж очень жалко! Конечно, всех не перепишешь, но – пытаешься.

Кто же и как создает первоначальный текст? Этого я еще не поняла. Почти все они – очень милые; почти все – настороженно-обиженные. Это прискорбное качество способствует тому, что большое невежество пробуют погасить большими претензиями. Претензии приводят к достаточно печальным результатам: человек, не знающий что Неро – это Нерон, Фило – Филон, Дувр – Дувр (все примеры из жизни), берется не за чтиво для лотков, а за любой, просто любой текст – религиозный, философский, сложнейшего писателя. Текст требует огромного опыта, сомнений, самопроверок, тончайшего вслушивания – а его гонят на компьютере, часто даже не прочитав (тоже из жизни).

Прямые ошибки, все эти «голос черепахи» (*turtle* в данном случае «горлица»), «король Саул из Тарса» («Савл Тарсянин»), «у Нанка Димиттиса» (*Nunc Dimittis* – «ныне отпускаеши») – далеко не самое страшное. Ошибки есть у всех, пусть не такие дикие. Много десятилетий в прекрасных переводах мы читали о «кролике по-валлийски», думая, что это блюдо из кролика, а не гренки с сыром. Недавно я перевела *crêpe suzette* как «шелк», тогда как это «блинчик». Ничего хорошего здесь нет, проверять надо все, но нужен в этих случаях не переписчик, а обычный редактор.

Страшное начинается (да и кончается) в ткани текста, в его синтаксисе. Желая сделать текст живым, современным и т. п., уснащают его «крутыми» словами, и отсутствие слуха мгновенно мстит, поскольку даже в этом стиль не выдержан. Больше всего украшений – из лексикона контркультуры (который, как сказала бы Тэффи, уже «прошлогодний стиль нуво»), но есть и феня в прямом смысле слова, и говорок 50-х–60-х с отсылками к «Двенадцати стульям», и что угодно. А фраза висит, она несоразмерно длинна, в ней есть пассивы, цепочки родительных падежей, глаголы-связки, все признаки канцелярита, и венец его – комки отглагольных имен. Сюда уже никакой сленг ни живости, ни блеска привнести не может.

Перевод – профессия, которой долго и тяжело учатся, прочищая слух, ставя голос или, если хотите, разрабатывая руку. Переводчика можно сравнить не только с певцом или пианистом, но и с актером или с очень кропотливым реставратором. Ни у одного из этих людей при любом даровании искусство без ремесла не устоит.

¹ Впервые эссе было опубликовано: «Страницы: богословие, культура, образование», 3 (1998), стр. 624–625, затем: «Невидимая кошка», М., 2006, стр. 42–45.

Диапазон этого ремесла располагался между очень вольным пересказом и подстрочником (как труд Кирилла и Мефодия), авторство же особой значимости не имело. Когда-то люди помнили, что выпячивать себя неловко, стыдновато. Если кто-то и хотел, чтобы все его заметили, приходилось это скрывать или прикрывать. Даже пересказ часто не подписывали. Сейчас таких желаний не скрывают. Но, с другой стороны, и перевод уже той роли не играет (каждый может писать и читать что угодно), а заметных людей стало столько, что они как бы и незаметны.

Существует и более чистое побуждение – заработать на детей и зверей. Однако и это невозможно. Переводчики (как поэты в современных западных странах) должны иметь еще и другую профессию; я вот – переписчик для иностранных издательств. Могут спросить: значит, оттуда такие переводчики не уйдут? Да, наверное, но там часто и фамилий наших не пишут, а в русских издательствах скоро останутся только те, кто жить не может, если какой-то писатель не зазвучит по-русски. Но тут и темп работы иной, и вообще все. Издательства наши платят все меньше и все реже, становясь чем-то вроде хорошо оснащенного и безопасного самиздата.

«Малый остаток», то есть переводчики ради перевода, сохраняется, особенно здесь. Мы еще не отвыкли от своей особой роли – вроде миссионеров. Когда и кто отвыкнет, не знаю, но пока этого нет.

Часто говорят, что на Западе вообще нет таких миссионеров, и снова ошибаются. Один из них – Дороти Сэйерс, последние 13 лет своей жизни (с 1944-го по 1957-й) переводившая Данте, чтобы англичане прочитали «Божественную комедию» не только со всей ее мудростью, но и со всей смиренностью, со всем юмором. Глубоко почитая Дороти Сэйерс, закончу свою заметку ее словами о ремесле: *«Вспомним, что средневековая гильдия подчеркивала не только долг хозяина по отношению к работнику, но и долг работника по отношению к работе».*

Королевский злодей²

Недавно я написала, что перевод умирает, но вскоре одумалась. Скорее он сохраняется на крохотном островке, а может ли и должен ли распространиться, не знает никто. Сейчас вокруг него резво бурлит море плохого, непрофессионального, массового перевода.

Наверное, вы помните присказку: «На скрипке играешь?» – «Не знаю, не пробовал». Конечно, подобие не полное; человек, никогда не переводивший, может перевести блестяще – но только в том случае, если он хорошо пишет на своем языке. Правило это действует в одну сторону. Люди, неплохо пишущие, иногда переводят ужасно, их держит буква оригинала. И другое: как любой мастер, ремесленник, на одном вдохновении переводчик не продержится.

Всякому ясно, что неуклюжая речь мучительна, она мешает и раздражает, даже если читающий не понял, в чем дело. Не стоит говорить и о том, что проповедь или что-то ей подобное такая речь гасит напрочь. А вот несомненно стоит – об особом сходстве переводческого ремесла с «духовным деланием».

Перевод труден, просто физически тяжок. Перевод требует редкой собранности и отрешенности, а за неокупленные взлеты жестко мстит. Перевод – борьба с энтропией, круг по лицу бездны. Перевод предельно смиренен; если мы сами не распыхтимся, он не превозносится и не ищет своего. Наконец, перевод сочетает полное подчинение с полной, летящей свободой. Он – как хождение по канату, достаточно узкому пути.

Один литовский священник говорил, что Евангелие не принимают впрямую, потому что это «накладно». Накладно и всерьез переводить, то есть – начать, решиться, дальше, кроме трудов, будет несравненная радость. Как и с Евангелием, в крохотном подобии, люди честно не знают, что надо идти путем зерна. Что там, сел – и чеши! Получается текст, неприятный, как поддельная вера. Никакие сердца он жечь не может.

² Впервые эссе было опубликовано: «Страницы», 3 (1998), стр. 625–626, затем: «Невидимая кошка», стр. 45–47.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.